

VI Международная Богословская конференция
Русской Православной Церкви

Жизнь во Христе: христианская нравственность,
аскетическое предание Церкви и вызовы современной эпохи

Архимандрит Иустин Синаит

(Синайская Архиепископия)

«ДА БУДЕТ ВОЛЯ ТВОЯ»: ХРИСТОС – НАШ ОБРАЗЕЦ И ПРИМЕР

В рассказах, дошедших до нас из классической древности, говорится о том, что уже в конце III века в Синайской пустыне монахи жили. Они собирались в основном у подножия горы Синай, где Бог открыл Себя пророкам Моисею и Илию, или в Раифе, на берегу Красного моря. Их мудрые слова и подвижническая жизнь известны из Апофтегм, Изречений отцов-пустынников, и из других ранних текстов.

Но наиболее важная книга, написанная на Синае, – это Лествица божественного восхождения св. Иоанна, игумена Синайского (конец VI в.). Автор стал послушником в шестнадцать лет и был пострижен на вершине Синая три года спустя. После преставления своего старца он жил как отшельник сорок лет, достиг великих духовных высот и был избран игуменом Синайским в преклонном возрасте.

В качестве мотива своей книги он избрал лестницу Иакова, соединившую землю с небом. У этой лестницы тридцать ступеней, и для каждой он описывает пороки, которые должны быть преодолены, и добродетели, которые следует стяжать, пока мы совершаем наше восхождение, имея перед собой Христа, призывающего нас сверху.

В начале Лествицы св. Иоанн пишет: «Христианин есть тот, кто, сколько возможно человеку, подражает Христу словами, делами и помышлениями, право и непорочно веруя во Святую Троицу» (1,4). Это определение христианина. Но если он с глубоким духовным проникновением пишет о том, что значит «подражать Христу словами, делами и помышлениями», то он удивительно мало пишет об учении, о том, что значит «право и непорочно верить во Святую Троицу». И все же такие случайные отсылки к доктринальным вопросам достаточны для того, чтобы показать связь, существующую между тем и другим. По этой причине такого рода отсылки, хотя и немногочисленные, имеют величайшее значение.

Св. Иоанн объясняет связь между послушанием и исихией (ἡσυχία), сравнивая учение о Троице и учение о Христе.

Сказанное в догмате о святой, нетварной и достопоклоняемой Троице контрастирует с учением о промыслительном Воплощении Одного из Лиц этой всепетой Троицы; ибо то, что множественно в Троице, – единственно в Нем, а то, что единственно, – множественно. И таким же образом одно подобает пребывающим в исихии, а другое – пребывающим в послушании [«иные обучающиеся подвиги приличны безмолвию, а другие общежительному послушанию»] (27, 85).

Во Святой Троице – три Лица, единые по природе; во Христе – две природы, божественная и человеческая, соединенные в одном Лице.

Св. Иоанн иллюстрирует взаимозависимость молитвы и памяти смертной, обращаясь к халкидонскому вероопределению:

АРХИМ. ИУСТИН СИНАИТ: «Да будет воля Твоя»: Христос – наш образец и пример

«Некоторые говорят, что молитва лучше, нежели память о смерти; я же воспеваю два существа в одном лице» (28,46).

Молитва и память смертная равно необходимы: они составляют единство, так же как единство человечества Христа и Его божества.

Но наиболее важным среди христологических пассажей Лествицы является краткая отсылка к Гефсимании в Шестой Ступени «О памяти смерти»:

«Боязнь смерти есть свойство человеческого естества, происшедшее от преслушания; а трепет от памяти смертной есть признак нераскаянных согрешений. Боится Христос смерти, но не трепещет, чтобы ясно показать свойства двух естеств» (6,3).

Смерть вошла в мир по причине непослушания Адама. «Земля еси, и в землю отыдеши» (Быт 3:19). Нашей человеческой природе свойственно страшиться разделения совершенно естественного союза тела и души. Христос тоже боится смерти, поскольку воспринял на Себя полноту нашей человеческой природы. Но Он не трепещет перед лицом смерти – Тот, чья жизнь была беспорочна. Здесь то же различие, которое присутствует в Послании к Евреям, где говорится, что Он, «подобно нам, искушен во всем, кроме греха» (Евр 4:15).

Говоря о двух природах Христа, св. Иоанн употребляет термины Халкидонского собора, IV Вселенского, который провозгласил:

«Последующе Божественным отцам, все единогласно поучаем исповедовати единого и такожде Сына, Господа нашего Иисуса Христа, совершенна в Божестве и совершенна в человечестве; истинно Бога и истинно человека, тогожде из души и тела; единосущна Отцу по Божеству, и единосущна тогожде нам по человечеству; по всему нам подобна, кроме греха; рожденна прежде век от Отца по Божеству, в последние же дни тогожде, ради нас и нашего спасения, от Марии Девы Богородицы, по человечеству; единого и тогожде Христа, Сына, Господа, Единородного, во двух естествах неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно познаваемого, (никакоже различию двух естеств потребляемому соединением, паче же сохраняемому свойству коегождо естества, во едино лице (τὸ ὄντως) и во едину ипостась (ὑπόστασις) совокупаемого); не на два лица рассеяемого или разделяемого, но единого и тогожде Сына, и единорожного Бога Слова, Господа Иисуса Христа, якоже древле пророцы о Нем, и якоже Сам Господь Иисус Христос научи нас, и якоже предаде нам Символ отец наших».

Свою божественную природу Христос разделяет с Отцом и Святым Духом, Свою человеческую природу – со всем человечеством. Во Христе эти две природы соединяются в одном единственном лице, или ипостаси. Таким образом, природа – это общая и универсальная реальность, тогда как лицо, или ипостась, – это конкретное и особенное.

Посредством терминов «неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно» (ἀσυχῆτως, ἀτρέπτως, ἀδιαρέτως, ἀχωρίστως) отцы Собора дали нам определение того, как соединяются две природы во Христе.

Халкидонский собор приняли и защищали многие величайшие богословы. И все же многие христиане, особенно в Сирии и Египте, отвергли этот Собор, настаивая на том, что, если Христос есть истинный Бог, в Нем может быть только одна природа и одно лицо. Император Юстиниан проводил многочисленные обсуждения и даже сам писал богословские сочинения, стараясь найти способ преодоления возникших трудностей, разделивших христиан и ослабивших империю, но не достиг успеха.

Затем, в 620-е годы, Константинопольский патриарх Сергий предложил свое решения для выхода из тупика. Во Христе мы утверждает одно божественное лицо,

обладающее двумя природами, одной божественной и другой человеческой, каждой – в полноте и целостности; и соединившись вместе, они образуют неразрывное единство, которое можно увидеть в одной единственной деятельности (ἐνέργεια), или, как это было выражено позднее, в одной единственной воле Воплощенного. На этом основании было достигнуто примирение со многими, отвергавшими Халкидонский собор. В 633 году Кир, митрополит Фазиса, председательствовал на торжественной литургии в Александрии, на которой достигнутое доктринальное соглашение было зачитано с амвона патриархом.

Однако св. Максим Исповедник понял, что это примирение было достигнуто за счет веры.

Само Воплощение есть выражение божественной воли, общей для Лиц Троицы, которые единосущны друг с другом, и предполагает восприятие человеческой природы, включая и природную человеческую волю. Воплотившись, восприняв человеческую природу, Слово стало всем, чем является мы. Воспринятая Словом человеческая природа ничего не требует для того, чтобы быть полной и целостной. То есть это природа, которой свойственна вполне человеческая деятельность и вполне человеческая воля.

Деятельность и воля как процессы принадлежат уровню природы: деятельность и, в случае разумных творений, воля – как процессы – происходят от природы; они связаны с движением, свойственным природе. Св. Максим писал: «Ибо если Воплощенное Слово не сохраняет без всякой утраты свойства обеих природ (без греха, согласно учению божественных Отцов), из которых и в которых Он и существует, даже после соединения, тогда Он существует как поврежденный Бог. Тогда Его божество никак не совершенно. И Его человечество также недостаточно, поскольку в нем умалено то, что для него естественно» [Догматический томос пресвитеру Марину] (PG 90:73D). Новым является термин τρόπος (способ существования), который св. Максим употребляет в отношении ипостаси Христа. В Нем – невыразимый τρόπος τῆς συμφύσεως (способ соединения). Однако λόγος (принцип) каждой природы остается неизменным (PG 90:1056D-1057A).

То, что Христос обладает по природе человеческой волей и божественной волей наиболее ясно из Гефсиманской молитвы. Максим пишет:

«Ибо то, что Он по природе обладает человеческой волей, так же как обладает Он и сущностно божественной волей, Логос Сам ясно показал, когда, совершая домостроительство, которое имело место ради нас, Он по-человечески молил, чтобы избежать Ему смерти, говоря: “Отче, если возможно, да минует Меня чаша сия»” (Мф 26:39), – чтобы показать слабость Своей плоти. Итак, Его плоть была для видящих Его не призраком, обманывающим чувства, но поистине и в собственном смысле Он был человеком: об этом свидетельствует Его природная воля в молении о том, чтобы избежать Ему смерти, которое имело место по икономии».

И все же мы не видим в Нем двух волей, воюющих друг против друга, ибо человеческая воля всегда подвигалась в согласии с божественной волей, как и говорит Максим:

«А что человеческая воля всецело обожена в ее согласии с самой божественной волей, поскольку она вечно движима и оформлена ею и в согласии с ней, это ясно, когда Он показывает, что имеет значение лишь совершенное оправдание воли Отца, говоря как человек: “Не Моя, но Твоя воля да будет”, тем самым представляя Себя как образец и пример отложения нашей собственной воли через совершенное исполнение воли божественной, даже если в результате мы лицом к лицу встречаемся со смертью» (PG 90:80CD)

Таково основание нашей аскетической брани, которая есть ответ на самоистощающуюся любовь Бога в Воплощении. Бог в полноте стал человеком, взяв на Себя полноту нашей человеческой природы – включая человеческую волю – и таким образом испытал изнутри все наши конфликты, страхи и искушения, «без греха». Поскольку мы видим во Христе человеческую волю, точно такую же, как наша, и в то же время свободно следующую за волей Божией, мы узнаем, что такое свободное послушание возможно и для нас. И так становится ясно, самым непосредственным образом, что правильная духовность зависит от правильного вероучения. Но требуется много и усердно бодрствовать, чтобы сохранить и то и другое, чтобы мы могли «подражать Христу словами, делами и помышлениями, право и непорочно веруя во Святую Троицу».

Следуя нашей собственной индивидуалистической воле, каждый из нас повторяет грех Адама, разрушивший и разделивший мир. Подчинение и соединение нашей воли с волей Божией объединяет и исцеляет то, что было разделено. Это становится также и первым шагом к исцелению и объединения человечества как целого, когда устремляемся к Богу в любви и обретаем в этом также и любовь к нашим ближним.